

Н.В. Ликвинцева

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)
О «ПРОЗРЕНИИ В ВОЙНЕ»

Во время Второй мировой войны мать Мария (Скобцова) пишет статью с характерным названием: «Прозрение в войне»¹. Такое «прозрение» предполагает рождение нового зрения, обусловленного встречей с реальностью, принципиально меняющей ход истории и положение человека в мире. Эта новая, болезненно рождающаяся реальность стала затем предметом рефлексии послевоенной европейской мысли. Опыт Второй мировой войны, разгоревшейся через столь краткий промежуток после Первой и унесшей миллионы жизней, жуткий опыт концентрационных лагерей и газовых камер, планомерного и механистического уничтожения человека человеком не могли не заставить задуматься не только о политическом и историческом будущем Европы, но и о самих основах антропологии² и этики³, об основаниях политического и социального бытия человека⁴ и экклезиологии⁵. Такое новое, в войне окончательно оформившееся зрение определяет собой позднюю богословскую мысль матери Марии, ее тематические и проблемные доминанты. Это не чисто теоретическая рефлексия, но мысль, тесно сплетенная с самой жизнью: кроме богословских и религиозно-философских статей и художественных произведений (поэма «Духов день», мистерии «Семь чаш» и «Солдаты»), созданных во время войны, не менее принципиальную значимость для исследователя представляют биографические факты непосредственного участия в войне как историческом событии — принадлежность матери Марии к Сопротивлению, ее вклад в дело спасения евреев, арест, пребывание в концентрационном лагере Равенсбрюк, гибель в газовой камере накануне окончания войны.

¹ Статья не датирована; написана, судя по контексту, в конце 1941-го или в 1942 г. Опубликована впервые в книге: *Мать Мария. Стихотворения. Поэмы. Мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк*. Paris: La Presse Française et Étrangère, 1947.

² Первая книга Примо Леви, свидетеля, выжившего в Освенциме, появилась уже в 1947 г. с характерным названием «Человек ли это?». Философским анализом свидетельства Примо Леви стала книга Джорджо Агамбена «Номо sacer: Что остается после Освенцима: архив и свидетель» (М., 2012).

³ См., например, книгу Ханны Арендт «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» (М., 2008).

⁴ См., например: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма*. М., 1996; *Адорно Т.В. Негативная диалектика*. М., 2003.

⁵ См., например: *Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность*. М., 1994 (следует отметить, в частности, его принципиальную для послевоенной экклезиологии идею «церкви для других»); [Шмаина-Великанова 2000].

Попыткой анализа такого «прозрения в войне» и его богословских компонентов и является данная статья.

Сразу следует оговорить этические коннотации термина «война» в настоящем контексте: естественным образом она воспринимается в первую очередь как зло, как угроза для жизни множества людей, как неизбежность крайне разрушительных последствий. У матери Марии нет ни малейших иллюзий относительно возможности исторически благоприятного выхода из столь глубокого кризиса, поглотившего Европу и весь мир. Она пишет: «Мы знаем, каковы бывают итоги больших войн: по существу, они сравнивают потери победителей и побежденных, они обескровливают обе стороны. Статистика считает десятками и сотнями тысяч, если не миллионами, раненых и убитых, статистика говорит нам о невероятном материальном оскудении, о миллиардах разорвавшихся в воздухе, пущенных на дно океана, сожженных, истребленных, изничтоженных. Есть еще в известном смысле более страшное явление, не подлежащее учету никакой статистики, — это озверение народов, падение культурного уровня, гибель творческих возможностей, — разложение душ. Каждая война отбрасывает всё человечество назад: в этом процессе играет роль как истребление самых молодых и творчески активных слоев населения, так и психическая деформация тех, кто остается живым и физически целым. В известном смысле можно утверждать парадокс, что всякая война, как бы она ни кончилась, самым фактом специфического своего влияния создает возможность, даже неизбежность следующей войны» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 324]. И всё же: «...есть в войне нечто, являющееся как бы единственным шансом в современном положении человечества. Это не значит, что ее можно хотеть. Но раз уж она разразилась, ее надо использовать» [Там же, с. 325]. Сам этот парадокс в определении войны одновременно и как исторического тупика, и как единственного шанса для человечества послужит хорошей отправной точкой для нашего исследования.

ПРОТИБОБОРСТВУЮЩИЕ СТОРОНЫ И ИХ ИДЕОЛОГИИ: СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Историко-политический анализ основных сил, участвующих во Второй мировой войне, их соотношения и прогнозируемого результата противостояния мать Мария дает уже в самом начале войны и даже до ее непосредственного начала в статьях «Расизм и религия» (1938), «Четыре портрета» (1939) и «Размышление о судьбах Европы и Азии» (1941). В «Четырех портретах» она рисует живописную образную картинку: трехголовый чудовище-дракон и пленная «невинная» царевна. Царевна — европейская демократия, на глазах гибнущая Европа. Дракон — три тоталитарных режима, участвующих в войне: национал-социализм (Германия), фашизм (Италия) и противостоящий им, но столь же «кусающийся» «коммунизм» (СССР). Здесь сразу обращает на себя внимание поразительная для того времени трезвость взгляда матери Марии. В начале и в самый разгар российско-германского конфликта ее ни в коей мере нельзя упрекнуть и в тени коллабора-

ционизма: она ни минуты не желает победы Германии, беспепелляционно точно описывает и анализирует национал-социалистический режим и не питает иллюзий, что Германия может избавить Россию от коммунизма. Мать Мария абсолютно уверена в победе России и, рискуя собственной жизнью, делает все возможное, чтобы эту победу приблизить. Но она и не считает победу России в войне автоматическим условием падения в ней коммунистического режима или поводом для смягчения или завуалирования своего отношения к этому режиму: правящая в России советская власть — одна из трех голов все того же дракона. Наиболее полный на сегодняшний день философский анализ тоталитаризма как исторического феномена XX в. сделан был после войны Ханной Арендт в ее фундаментальном труде «Истоки тоталитаризма» (1951). Х. Арендт, как и мать Мария, ставит на одну доску советский и гитлеровский тоталитаризмы, правда, оговариваясь, что она анализирует главным образом гитлеровский вариант, так как о советском еще мало доступной информации. Внимание философа здесь также направлено прежде всего на становление идеологии режима, на те идеологические рычаги, посредством которых выплескивается агрессия: одним из таких выплесков как раз и стала Вторая мировая война.

Итак, взглянемся в дракона. Само появление трехголового чудовища связано с Первой мировой войной, он родился «в насилии и крови великой войны» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 297]. В России это привело к трансформации «идеи классовой борьбы и классовой ненависти» в «страшное обличье советской власти» — именно она и будет первой головой нашего дракона. Сразу обратим внимание на то, что все головы связаны не столько с конкретными странами или народами (а к принципиальному отличию народа от государства мы вернемся подробнее позже), сколько с бытующими в этих странах, поработившими себе их народы идеологическими конструктами: именно идеология и будет основной драконьей сущностью, движущим импульсом самой страшной войны в истории человечества. В России можно наблюдать следующие характерные черты идеологии советского тоталитаризма: «Отрицание человеческой личности, удушение свободы, культ силы, преклонение перед вождем, единое обязательное для всех мирозерцание, борьба со всякими отклонениями от генеральной линии партии или, что то же, вождя...» [Там же]. Такая идеология становится своеобразной «вульгарной религией», можно даже «составить точную догматику коммунизма, — да она и составляется в бесчисленных катехизисах. Она обнимает собою всё — отношение к экономике, к истории, к вопросам искусства, к принципам бытия» [Там же]. На иные верования объявлены самые ожесточенные гонения: всех «инаковерующих» расстреливают и сажают в лагерь. Собственно, этот религиозный характер коммунизма и позволяет ответить на вопрос, откуда он черпает свою силу: коммунизм жив именно своим религиозным пафосом, своей страшной целостностью, тем, что становится ответом на потребность человека иметь целостное мировоззрение. Правда, ответ этот дан путем жуткой подмены: коммунизм становится «страшным, черным чудом», «черной религией», антицерковью, которой противостоит сейчас в России голимая и подлинная церковь мучеников.

Но хотя сам тоталитарный и псевдорелигиозный характер советской идеологии и роднит ее с идеологией противостоящего ей национал-социализма, интересны здесь различия и нюансы, позволяющие сразу и с большой определенностью говорить о победе одной стороны и поражении другой. Дракона, как мы помним, породила Первая мировая война, но не без посредников: она стала той искрой, от которой разгорелись революции, а уж те, в свою очередь, вдохнули силу в рождающиеся в их огне идеологии. Так, победоносное шествие Германии, беспрепятственно завоевывающей в этой войне европейские страны одну за другой, «является естественным процессом агрессии, неизбежным для Германии после национал-социалистической революции, Гитлер в такой же мере победитель, в какой мере он революционер» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 482]. Но легендарная удачливость Гитлера на этот раз ему изменила, ведь немецкая революция моложе русской и значительно уступает ей по масштабу: русская революция «оказалась и глубже, и шире, и могущественнее германской; русский революционный плуг пахал до самой глубины, взрыл все слои русской почвы. Гитлер пришел к власти, когда его будущий смертельный враг и соперник, когда будущий неизбежный и неотвратимый победитель его — русский революционный дух — уже владел Россией. В этом рок Гитлера» [Там же, с. 482–483].

Различие не в пользу Гитлера ощутимо и при детальном сравнении самих идеологических систем национал-социализма и коммунизма, вернее, тех фундаментальных, движущих идей, на которых они основаны, не тоталитарная практика действующих античеловеческих режимов, но их программы. Лежащая в основе гитлеризма идея о превосходстве одной расы над всеми остальными неодолимым образом толкает Германию к войне против всех, неизбежно обреченной на провал. Тогда как сердцевину советской идеологии составила «интернациональная доктрина, делающая из Москвы родину всемирного пролетариата» [Там же, с. 512]. И хотя на деле тоталитарная практика советского государства противоречит лежащему в его основании мифу о всемирном освобождении трудящихся и всеобщем пролетарском братстве, сам этот миф, впитывающий сейчас, во время войны, в себя свободолюбивые чаяния всего человечества, уже несет семена будущего: «Москва-миф всей своей силой, всей массой сконцентрированных в ней волю, всей жаждой свободы, которая существует в мире, давит на Москву деспотическую» [Там же]. И это тоже залог победы над гитлеризмом.

В 1940 г. после оккупации немцами Парижа матери Марии приснился сон с аллегорическими изображениями противостоящих сил в виде животных. Об этом свидетельствует Константин Мочульский: «Мать рассказывает свой сон: “На площади Конкорд бьется окровавленный и израненный галльский петух и движется процессия. Впереди идет тигр, за ним медведь, дальше другие — все без лица, одни копыта. И тащат колесницу. Я не могу разглядеть того, кто на колеснице. Я проснулась...” “При первой возможности поеду в Россию...”» [Мочульский 1946, с. 74]. Желание поехать в на родину, высказанное сразу после пересказа сна, не случайно: ведь медведь здесь, конечно, Россия. Все образы зверей не только очень выразительны, но и легко узнаваемы: поверженный петух — завоеванная Франция, тигр — Германия. Повозка, то есть груз, который звери тянут, — идео-

логия. Образы эти вновь возникают в поэме матери Марии «Духов день» (1942), там к ним прибавляется шакал, олицетворяющий собой фашистскую Италию. Но интереснее и загадочнее всего в поэме как раз образ медведя. В нем сила будущего победителя: «Пусть нужен срок ему расшевелиться, / Но, раз поднявшись, он неутомим, — / Врага задушит в лапах». Однако интересен он не столько своей будущей победой, сколько собственным парадоксом, противоположностью жизни и смерти, которые одновременно несет в себе. С одной стороны, медведь тянет за собой смертоносную колесницу, которая «Тяжелым колесом живое давит. / Не тяжелей ступал железный Рим». С другой — именно он несет жизнь, то есть семя будущего: «Кого везет? Кто колесницей правит? / Где родина его? Урал? Алтай? / Какой завет он на века оставит?» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 274]. Сама возможность этого будущего, возможность преображения сражающегося в войне советского государства в живую Россию во многом зависит от тех уроков, которые нужно извлечь из войны, от «прозрения в войне».

Обратим теперь внимание на вторую (если брать в хронологическом порядке их возникновения) голову дракона, на «этактический тоталитаризм фашизма» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 300], восторжествовавший в Италии. О нем не стоит говорить подробно, поскольку это «самый слабый из всех тоталитаризмов». Слабость его связана прежде всего с отсутствием новаторства и вторичностью идей, лежащих тут в основе идеологии: это попытка реставрации прежней мощи Римской империи. Но последняя, как известно, уже однажды была побеждена христианством. Тем более обречено на провал ее бледное подобие, реставрация того, что уже было уничтожено. В идеологии мы видим здесь всё те же хорошо узнаваемые тоталитарные черты: «...ту же борьбу против человеческой личности, тот же культ коллектива, ненависть к свободе, обязательность известного стандартного мировоззрения, восприятие основных принципов фашизма чисто догматически» [Там же], культ вождя, начало насилия. Вторична не только сама идеология итальянского фашизма с ее реставрационными мотивами, вторична, на фоне Германии, и та политическая роль, какую Италия играет в войне, — это шакал (если вернуться к обрисованным в поэме образам животных), плод муссолиниевского шутовства и маскарада, не способный вести самостоятельные военные действия и лишь несущий полицейскую службу на оккупированных Германией территориях, в нем нет уже ни тени величия, ни капли жизни: «Шакал питается трупами, но не рискует нападать сам на живых, шакал-трупоед отравлен ядами этих трупов» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 477].

Перейдем, наконец, к самой опасной и агрессивной драконьей голове — к германскому национал-социализму, к «религии расы». Основная идея этой новой «религии», как мы уже заметили, беднее коммунизма и уступает ему в универсальности: противопоставление собственной расы всем остальным заранее обречено на провал, поскольку не оставляет носителям идеологии другого выбора — либо порабощение или полное уничтожение всех прочих рас и народов, либо поражение, которое рано или поздно наступит в бесперспективной войне против всех, так что сама эта идея становится идеологическим динамитом, принципом государственного самоубийства. Но у расизма есть и свои идеологические преимуще-

ства, позволяющие ему говорить даже более убедительно и ощутимо, чем советский коммунизм, еще сильнее влиять на массы. Расизм, в отличие от коммунизма, «апеллирует не только к внешним интересам человека, он апеллирует к самой его природе, к его крови, к глубинным, подспудным инстинктам человеческой души, к каким-то полузабытым зовам природы, он органичнее... материалистичнее коммунизма... это мистика биологии <...>. Можно сказать, что как материал для образования языческой религии он гораздо богаче коммунизма. А кроме того, он, в противовес коммунизму, открыто признает этот свой религиозный языческий характер, — и этим самым, как религия, он гораздо более осуществлен, чем коммунизм...» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 302–303]. Реализует себя данная идеология точно так же, как и ее «братья по религии тоталитарности», уже знакомыми нам средствами насилия, отказа от личности, упразднением свободы и тоталитарностью мирозерцания, борьбой с иными расами, иными религиями.

Моральная ответственность Германии как зачинательницы этой войны, как нападающей стороны, государства-агрессора не вызывает никаких сомнений. Если Европа предстает перед нами в образе умирающего, отравленного человека, объекта болезни, то, заводя разговор о Германии, мы «переходим к отравителю, к субъекту, к стране, поднявшей руку для самоубийственного европейского акта, к великому отравителю всех европейских источников и колодцев, к источнику гноя, рассылающему свои смертельные соки по всему европейскому организму» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 479]. Но сам этот импульс к отравлению всех и вся, включая собственную страну, уже заложен в расистской идеологии национал-социализма, сама идея избранности уже будет шагом к самоубийству. Возникает псевдонаучная и квазирелигиозная шкала избранничества: среди всех рас выделяется венец и элита, избранная, арийская раса; в этой расе выделяется следующая ступень избранности, уровень еще большей чистоты расы — северные германцы; следующей ступенью отбора оказывается партия национал-социализма, «правлящая партия, мускулы и мозг народа» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 287]; и наконец, вершина пирамиды — венчающий собою всё вождь, Адольф Гитлер, «ипостасное воплощение германской избранности» [Там же]. Здесь и происходит самое страшное: живой германский народ делегирует своему вождю право на творчество, словно переливая в него свою живую душу; в таком отказе от творчества, от этической ответственности за собственные поступки, делегировав собственную человеческую сущность обоготворенному господину, он тем самым перестает быть живым народом, становясь «бесконечными рядами живых мертвецов, мертвым народом» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 487]. И сам фюрер, своим согласием на самообожение, на такое принятие живой народной души, действительно вбирает в себя все отданные ему грехи народа, при том что творческий потенциал больше своих человеческих сил принять на себя не способен: «Таким образом создается эта страшная личность вождя. Некоторые, может быть даже значительные, но личные творческие способности, некоторый комплекс среднеположительных человеческих свойств — и вся мера преступления, лжи, жестокости, тупости, самоуверенности и греха собственного народа. Может ли кто-нибудь выдержать такую страшную нагрузку?» [Там же, с. 488]. Вот

и приходится наблюдать в лице фюрера еще одно страшное последствие войны: обезчеловеченного человека, звериный вой, разносящийся по радиоприемникам.

Но подробнее к антропологическим последствиям войны мы еще вернемся, а сейчас обратим внимание на стоящую перед трехголовым драконом царевну — европейскую демократию. Она тоже не так невинна, как кажется на первый взгляд: «Плоха наша царица, мало чего стоит, сама виновата, что блуждала без пути, пока не попала в лапы дракона, не могла не попасть» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 304]. Царица слаба отсутствием целостного мирозерцания — того, что придает силу дракону, слаба своим принципиальным отказом от него. Налицо лишь поверхностные декларации, идущие вразрез с живой жизнью, раздробленность общества, у которого нет никаких объединяющих идей. Солдаты призваны защищать свою страну — Францию, например, — но вдруг оказывается, что им просто не за что идти умирать, слишком жалки те ценности, которые им предлагается защищать: «В самом деле, какой смысл умирать за аперитив, если после смерти нельзя его выпить, и даже за свой клочок земли, если она после моей смерти перестанет быть моей? Итак, смысла умирать не нашлось, потому что не было смысла жить, настоящего Смысла с большой буквы» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 474–475]. Демократия стала синонимом обычного мещанства, бездарности и скуки, в ней нет жизни, огня: «Если тоталитаризмы страшны, то демократия просто скучна. На реальной исторической арене сейчас демоны борются с мещанством» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 304]. Есть еще один пугающий момент, связанный с неприглядным образом царицы и ставший одной из характерных особенностей именно этой войны, — тотальная склонность к предательству. Стоит только вспомнить самое начало, даже преддверие войны, Мюнхенское соглашение 1938 г., от него прямая дорожка к коллаборационизму в воюющей Франции. Мать Мария пишет: «Вот на этой склонности к предательству стоит особенно остановиться, потому что оно делает эту войну совершенно небывалой, совершенно противоположной всем бывшим войнам. И в этом смысле делает ее последней, то есть смертельной для европейского человечества войной» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 474]. Картина, рисуемая автором, меняется: перед нами уже не пленная царица, но труп, лежащий в гробу посреди комнаты. В статье «Размышления о судьбах Европы и Азии» речь идет об окончательной смерти Европы, о точке невозврата к довоенному прошлому. Растерявшая себя в предательствах, трусости и лжи демократическая Европа не может противостоять натиску новых религий тоталитаризма, горящих смертоносным, но реальным огнем. Потенция жизнеспособности есть только у Англии, единственной из европейских стран, которая не сдается под гитлеровским натиском: если она сможет отказаться от тормозящих ее развитие колоний, то в союзе Великобритании с США может возникнуть «специфический англосаксонский мир, атлантический по своему географическому центру, некая новая Атлантида» [Там же, с. 479]. В любом случае послевоенный мир уже не будет европоцентричным: история на глазах уходит в «азиатские дебри и из русских степей или пустынь Центрального Китая смотрит на европейский полуостров, решая его судьбу» [Там же, 471]. Рисуемая картина — и это самое интересное — не приговор, а предупреждение:

для каждой из воюющих сторон, включая и вероятную победительницу Россию, сама возможность будущего зависит от точки настоящего, от того, произойдет ли здесь и сейчас «прозрение в войне», сможет ли человечество измениться настолько, чтобы научиться видеть, получить новое зрение.

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ ЗРЕНИЕ

Одно из принципиальных противопоставлений, часто встречающихся в текстах матери Марии, ставшее у нее своеобразной бинарной оппозицией: противоположность размеренного, погрязшего в мелочности эгоистических интересов, «мещанского» существования, — и потрясенности глубиной подлинного бытия, какая бывает, например, при встрече человека со смертью или со смертельной опасностью — сгорание всего второстепенного и обнажение самой сути вещей, самих оснований жизни. Тема потрясенности не удивительна для русского эмигранта, пережившего целый ряд исторических катаклизмов: Первую мировую войну, русскую революцию, Гражданскую войну, вынужденную эмиграцию, установление тоталитарной власти на любимой, далекой и недоступной теперь родине, нищенское эмигрантское существование и вот теперь Вторую мировую войну. Неудивительно, что многие эмигрантские мыслители пытаются усмотреть за этой чередой катастроф, взорвавших привычный миропорядок, какой-то смысл, направленность исторического вектора, ведь тяжелее всего человеку вынести бессмыслицу и абсурдность происходящего. История воспринимается как такой вектор, если она эсхатологична, т. е. устремлена к собственному концу: истории придает смысл то, что находится уже за пределами самой истории. Отец Сергей Булгаков использует для этого термин «метаистория» [Булгаков 1945, т. 3, с. 184]⁶, а Н.А. Бердяев — «сверх-история» [Бердяев 1969, с. 237]. В таком контексте религиозно-философской мысли историософия матери Марии примечательна резким, подчас парадоксальным сближением исторических и метаисторических событий, стянутых здесь в единый узел темой Апокалипсиса. Конечно, Апокалипсис выходит за пределы истории, он та точка-омега, к которой вся история устремлена, ради которой разворачивается, только в нем возможно разрешение трагедии истории, — здесь мать Мария мыслит в той же парадигме, что и о. Сергей Булгаков и Н.А. Бердяев. Но ее интересует прежде всего точка настоящего. В катастрофе войны, несущей с собой массовые смерти, масштабное уничтожение человеком человека, она усматривает черты и знаки Апокалипсиса, своеобразный Апокалипсис нашего времени⁷. Тогда умение видеть в такой перспективе, умение

⁶ Детальное сравнение апокалиптики матери Марии и о. Сергея Булгакова в контексте представлений обоих мыслителей о Второй мировой войне см.: [Емельянова 2001].

⁷ Примечательно, что такие апокалиптические ноты начинают звучать уже в ее художественных текстах, посвященных Первой мировой войне, которая, таким образом, сразу понимается как начало большей трагедии, чем она представляется, и в то же время как часть грандиозного Божьего замысла о мире и человеке. См., например, ее поэтический сборник «Руфь» (1916), одна из частей которого так и называется «Война»: [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 80–83].

читать апокалиптические знаки поможет разглядеть смысл в современных исторических событиях, извлечь из них уроки, взять на себя ответственность за настоящее и будущее мира. Уже в 1938 г. мать Мария пишет статью с характерным названием «Под знаком гибели»: именно гибельность нашей эпохи и делает наше время по преимуществу христианским, помогает раскрыть в нем «тайну христианского Апокалипсиса» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 189]. Когда всё человечество дышит страданием, когда все человечество оказывается на Голгофе, уже нельзя, как прежде, «не видеть и не слышать», приходится «увидеть совершаемый Апокалипсис»: «Кончился сон, в котором все было обманно и противоестественно. Наступает трезвое утро. Кто знает, — быть может последнее утро в истории человечества, и кто сейчас не проснется, тому уж не будет времени просыпаться. <...> Иллюзии сторают. <...> Остается Бог, жизнь, смерть, любовь и простая, честная правда» [Там же, с. 191].

Итак, внимание автора сконцентрировано не на будущем, не на той точке, куда история устремлена, но на точке настоящего, совершающегося сегодня. Однако эсхатологическое зрение, помогающее увидеть знаки Апокалипсиса в том ужасе, который совершается здесь и сейчас, может изменить, определить собою этическую установку субъекта, а значит, его жизнь и судьбу, точка настоящего становится точкой выбора, точкой принятия решения. Выбор связан с уже упомянутой бинарной оппозицией: можно остаться в мелочности мещанской повседневности или прорваться к подлинному бытию, проснуться или замереть в неживой беспробудности, выбрать бескрылый уют или сделать шаг к вечности⁸. Сам момент выбора, вернее, связанного с таким выбором шага, этического поступка решимости, довольно болезнен, поскольку предполагает отрыв от привычного и повседневного, от полужизни будней, ради неизведанной большей жизни, угадываемой и читаемой в страшных апокалиптических знаках. К такому порогу выбора и подошло человечество во Второй мировой войне, именно от этого выбора и зависит основной ее исход и основной итог: использует ли человечество данный ему шанс, сделает ли этот столь необходимый рывок к подлинной жизни или нет. В статье «Прозрение в войне» мать Мария так характеризует эту развилку, на которой замер современный мир: «...в эту минуту Бог посещает свой мир. И мир может принять это посещение... — и тогда мгновенно соединится наша временная и падшая жизнь с глубиной вечности, тогда наш человеческий крест станет подобием Креста Богочеловеческого, тогда в самой нашей смертельной скорби увидим мы белые одежды ангела, который нам возвестит: Его, умершего, нет во гробе. Тогда человечество войдет в пасхальную радость воскресения. Или... Может быть даже не будет хуже, чем было, будет только так, как было. <...> Старая, пыльная, скорбная земля в пустом небе несется в вечную пустоту. Мертвенное человечество радуется малым удачам и огорчается малыми неудачами, отказывается

⁸ См., например: «Человеческая история также поставлена перед выбором: или торжество экономического и политического будничного устройства мещанского благополучия, трехмерного пространства и вытянутого в прямую ниточку времени, или же принятие вечности, крылатость, ощущение здесь того, что задумано там» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 315].

от своего избранничества, кропотливо и усердно натягивает на свою голову крышку гроба» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 326–327]. Выбор предстоит между жизнью (включающей в себя риск и опасность, боль и скорбь, но и чудо воскресения, оживания, пасхальную радость) и не-жизнью (мертвенностью призрачного существования, оторванного от корней бытия, от источников Жизни, т. е. чем-то более страшным, чем сама смерть).

Для того чтобы ярко и наглядно показать сам момент рождения апокалиптического зрения, узел, сплетающий в одно целое историю и метаисторию, мать Мария выбирает средневековый жанр мистерики, вновь обживаемый модернистской поэзией начала XX в. В 1942 г., незадолго до ареста, в оккупированном Париже, в момент активной работы в Сопротивлении, она пишет поэмы-мистерии «Семь чаш» и «Солдаты». Само заглавие «Семь чаш» сразу отсылает читателя к новозаветной книге Апокалипсиса, Откровению св. Иоанна Богослова, где семь Ангелов держат «семь золотых чаш, наполненных гневом Бога» (Откр. 15: 7). Место действия мистерии — «пустынный остров», на котором только два человека: тайнозритель Иоанн Богослов и его ученик Прохор, старающийся проникнуть в апокалиптические видения учителя, задающий вопросы по поводу увиденного и получающий разъяснения. Оба персонажа молятся о даровании им зрения («открой глаза нам», «открой нам зренье»), которое позволит увидеть «корни жизни» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 307]. Сами же «видения» резко возвращают читателя из времени жизни Иоанна Богослова к моменту настоящего, к 1942 г. Чашами гнева оказываются: безработица (как поругание труда, как картина «жизни без надежды», подобной тому, как если бы «Живым я был в тяжелый гроб положен» [Там же, с. 310]); толпа — тоталитарный «муравейник» невидимых людей, лишенных личности («И увидеть нельзя их, — нету ликом, / Многообразья нету в их толпе» [Там же, с. 312]). Следующие три чаши — война и ее последствия («Война и голод, подневольный труд / Сейчас меняют лик привычный мира» [Там же, с. 314]): действие этой картины Божьего гнева явлено на разрушенном полустанке, где собраны жены и матери убитых, раненых, голодных, оплакивающий всех и цитирующий Апокалипсис старик, пленные, отправляемые в концлагерь. Шестая чаша гнева — гонения на Израиль. Перед читателем проходит шествие евреев, идущих навстречу собственной гибели: они переговариваются, обсуждая вопрос о страшном будущем и тайну избранничества Израиля. Передние ряды «В нежданном ужасе теснятся. Что там?». Один из евреев, непохожий на других, признающий Мессией Распятого на Кресте, видит впереди, там, где с ужасом замирают остальные, «ангельские крылья» и «Страшного Суда преддверье» [Там же, с. 321]. Седьмую, последнюю чашу, чашу расплавленного пламени, льет сияющий ангел в утреннем, заревом небе. Последняя картина композиционно выделена из числа прочих тем, что Прохор и Иоанн в ней уже не просто тайнозрители, но непосредственные участники происходящего: сделав тот болевой шаг, о котором шла речь выше, необходимый рывок, они прорываются в само действие, в свершающуюся картину Апокалипсиса. Заканчивается мистерия монологом Прохора, обретшего зрение, уже превышающее человеческое видение, зрение изнутри света:

Не вижу я: от света слепнут очи.
Везде разит он — этот свет слепящий.
Мне кажется, что у меня по жилам
Не кровь струится, — это серебро,
Что добела расплавлено. Мне больно.
Мне радостно. Как перья крыльев белы
У ангела, и у тебя, отец.
И за моей спиной тоже крылья.
Отец, отец, в крылатый мир вступаем,
В мир царственной, священной белизны,
И в солнце мы горим и не сгораем,
Неопалимой Купине причастны,
Крещаемы Огнем Святого Духа
[Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 322].

Теме огненного крещения Святого Духа, т. е. того простора, на который человек и человечество может выйти, приняв свой Апокалипсис и сделав выбор, совершив рывок и прорыв, посвящено самое мистериальное из поэтических сочинений матери Марии — поэма «Духов день». К анализу возможных последствий такого меняющего мировоззрение рывка мы еще вернемся, а пока стоит обратить внимание на предпоследнюю, шестую чашу гнева. Гонения на евреев, ужас Холокоста стали одной из самых трагических страниц последней войны: до сих пор требует осмысления сама возможность тотального уничтожения целой нации, стремление истребить всех, включая маленьких детей, утилитарное использование мертвых тел и сжигание их в печах крематория, методичное, будничное убийство людей в лагерях смерти, в газовых камерах. Еврейской теме посвящена еще одна мистерия матери Марии — «Солдаты». Ее действие происходит в арестном помещении при комендатуре в оккупированном Париже. Гитлеровские солдаты играют в карты, лениво разговаривают, ждут очередную группу арестантов с ночной облавы. В углу сидит неподвижно и бормочет себе под нос старик-еврей, в котором по его репликам читатель постепенно узнает обреченного на вечное странничество Агасфера. Вводят толпу арестованных: бродяг, противников режима — коммунистов и попавших в облаву евреев. Вершится суд: бродяг уводят, коммунистов отправляют в заложники, евреям, несмотря на их мольбы, одна дорога — в концлагерь. В следующей сцене произносящий гордый монолог офицер вдруг замечает, что увели не всех: на скамье остались двое. Прежний старик и юноша, добровольно пошедший за арестованными (в его чертах много сходства с сыном матери Марии Юрием Скобцовым). Молодой человек — христианин, он описывает две статуи собора в Страсбурге. Одна из них, со сломанным посохом и повязкой на глазах, олицетворяет Ветхозаветную церковь Израиля. Вторая — «будущего господа», Новозаветная церковь. Пришло время их встречи, время «Повязку снять с очей сестры любимой». Юноша молится: «Благослови, распятый Иисус. / Вот у креста Твои по плоти братья, Вот мор и глад, и серный дождь, и трус, / Голгофу осеняет вновь Распятье. // Благослови, Мессия, Свой народ / В лице измученного Агасфера, / Последний час, последний их Исход, / И очевидностью смени их веру» [Там же, с. 336]. Старик видит, как «Царь приближается в облаке Славы». Офицер велит вытолкать за ворота обоих — и старика, и юношу.

Те же образы двух статуй мать Мария приводит и в статье «Размышления о судьбах Европы и Азии», где наиболее подробно освещает свой взгляд на еврейскую тему. Здесь стоит отметить один момент, характерный для всего довоенного эмигрантского периода творчества матери Марии: резкое противопоставление в ее мысли Израиля и Рима как двух противоположных типов сознания. Для израильского сознания в центре стоит народ, живая народная личность. История Израиля являет собой характернейший пример такого типа сознания: этот народ существовал на разных территориях, при разных государствах, всегда продолжая оставаться единым народом, живой народной личностью. Именно этим Израиль и подготовил христианство — Бог как абсолютная Личность мог воплотиться только в такой личности. В противоположном типе сознания, квинтэссенцией которого является Рим, во главу угла ставится государство, которому все остальное приносится в жертву: это мертвая машина, противоположная всему живому. Самой большой трагедией христианства было именно сближение христианской церкви с государством, компромисс. Сейчас этот противоестественный союз распался, поскольку в тоталитарных государствах правит неприкрытое воинственное язычество. Поэтому не случайно именно сейчас возникли гонения на евреев: «Еще и еще раз мертвый государственный коллектив, обожествленная и превознесенная римская идея хочет утвердить себя, сея смерть всякой живой личности, как индивидуальной, так и народной. Израиль есть такая живая личность, более того — он только это и есть <...>. И в этом честь Израиля. В этом смысл тех жертв, которые он несет. Борьба с Израилем — той же природы, что и современная борьба с христианством» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 495]. В таком совместном мученичестве, в совместном несении этой чести отдания себя на жертву (вспомним, что юноша в мистерии «Солдаты» добровольно последовал за арестованными) и рождается новый и таинственный союз двух сестер, Ветхозаветной и Новозаветной церковей: «Он, может быть, есть самое значительное из всего, что сейчас происходит в мире» [Там же, с. 496]⁹. Сразу отметим еще один принципиальный момент. Говоря о чести и об избранничестве гонимого Израиля, мать Мария обращает эти слова не к евреям, а к христианам, именно их призывая разделить бремя такой чести и облегчить страдания тех, кто его несет. Это не призыв к евреям радоваться тому, что они гонимы. К страждущим и обездоленным мать Мария вообще никогда не обращается ни с какими призывами, она обращается к ним с предложением помощи: спасает арестованных на велодроме еврейских детей, вынося их оттуда в мусорных баках, вместе с отцом Димитрием Клепининым помогает распространять подложные свидетельства о крещении, пока это может помочь, прячет евреев на Лурмель и помогает устроиться дальше. К. Мочульский вспоминает ее слова: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. <...> Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды» [Мочульский 1946, с. 75]. Не просто слова: спасая гонимых евреев, мать Мария сполна разделила их участь — арест, концлагерь, вплоть до гибели в газовой камере и до печи крематория. Как и у многих из них, от нее не осталось могилы: в израиль-

⁹ О еврейской теме у матери Марии см. подробнее: [Аржаковская-Клепинина 1999; Беневиц 2003].

ском музее Яд Вашем на Аллее праведников есть дерево с именем матери Марии, посаженное в ее честь, — именно так в этом месте отмечены имена праведников, спасавших народ во времена жесточайших гонений.

Собственно, это и определяет основную особенность апокалиптического зрения: способность увидеть того, кому сейчас нужна помощь, того, кто рядом. Ведь «в самом эсхатологическом тексте Евангелия, в том месте, которое называют даже Малым Апокалипсисом, упоминает Христос именно о тех добродетелях и пороках, которые связаны с материальным служением ближнему»: накормить голодного, одеть того, кто наг. Когда все сгорело в огне Апокалипсиса, то не осталось уже даже «самой тонкой перегородки, отделяющей сердце от мира, от его боли» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 198]. Человек прозревший, совершивший тот рывок пробуждения, о котором шла речь, видит рядом с собой — ближнего, другого человека.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ПРОЗРЕНИЯ В ВОЙНЕ»

Собственно, другой человек, помощь ближнему, нуждающемуся, тому, кто рядом, всегда были в самой сердцевине деятельности и мысли матери Марии. Но в разгар войны антропология выходит на новый уровень: именно от нее зависит сейчас будущее мира и человечества, исход исторических сдвигов. Если нынешняя война является плодом прогремевших революций, с их неизбежным «процессом агрессии», наращивающим «волю к войне» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 482], тогда выход из войны связан вовсе не с аккумулярованием внешней силы и не с хрупким перевесом в том противостоянии сил, которое мы уже обрисовали. С внешней силой будет связана лишь внешняя победа, которая сразу неизбежно обернется поражением, т. е. новой аккумуляцией агрессии и волей к новой войне. Настоящая победа предполагает выход из войны к подлинной жизни, а это возможно только в ситуации рождения, утверждения личности. Понятие личности может показаться чем-то само собой разумеющимся, но это не так, — вспомним название книги Примо Леви «Человек ли это?»: в нацистском концлагере человек перестает быть человеком, личностью. Эту на глазах реализовывающуюся опасность обезчеловечивания человека остро подмечает мать Мария. Анализируя общий идеологический фундамент тоталитаризма, проявленный в германском нацизме, итальянском фашизме и советском «коммунизме», она обращает особое внимание на поглощение и упразднение личности мертвым коллективом: «Это идея тоталитаризма, тоталитарного государства, тоталитарной войны, тоталитарного права и т. д. Основа ее — полное порабощение личности интересам целого, это нам так хорошо знакомый по Достоевскому гигантский муравейник, это человек — тоже по Достоевскому, — штифтик или фортепианная клавиша» [Там же, с. 484–485]. Квинтэссенция такой тоталитарной обезличенности, упразднения личности — концентрационный лагерь, где арестованный человек становится просто номером, документом, членом какого-то

неблагонадежного коллектива (например, евреев), только за принадлежность к этому коллективу и арестованного и переставшего быть чем-то другим. В тоталитарной системе ценностей наличие потерявших личность «штифтиков» уравновешено «культом сильной личности, героя, вождя, сверхчеловека», этими «штифтиками» управляющего, что находится в «своеобразном антиномическом согласии с идеей коллективизма» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 295]¹⁰. Мать Мария пронизательно подмечает, что оба крайних полюса тоталитарной системы — и потерявший личность человек, и претендующий на силу сверхличности правитель — обнаруживают себя в едином этическом пространстве, связанном с отказом от ответственности: «Человек перестает осознавать сам свою личную ответственность. Он поступает соответственно воле коллектива, в который он входит» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 486]. Так возникает этический парадокс, подробно проанализированный после войны на примере Эйхмана Ханной Арендт в ее книге «Банальность зла», когда не злой и вроде бы не желающий никому зла человек посылает на смерть миллионы ни в чем не повинных людей. Мать Мария подмечает, что с людьми тоталитарной власти происходит тот же самый процесс обезличивания, что и у тех, кого они планомерно уничтожают: такой человек «спокойно одной рукой поможет, а другой расстреляет, у него будет при этом безоблачно чистая совесть, потому что его как бы и нет совсем. Странный мир господ, психология которых такова, что они, по существу, ни за что не отвечают. Ответственность переносится все выше и выше» [Там же], отчуждаясь в итоге в пользу одного верховного вождя, уже отказавшегося от всего человеческого в себе, от самой жизни.

Итак, обоим полюсам тоталитарной обезличенности, мертвой машине коллектива противостоит живой человек, живая личность. Как мы уже заметили, главной особенностью такой личности является способность взять на себя ответственность, т. е. сделать тот выбор и шаг, о котором уже шла речь выше, ведь процесс пробуждения, «прозрения» как раз и предполагает принятие на себя ответственности за свою жизнь и за свое место в мире и в истории. И вызван такой шаг к ответственности не давлением обстоятельств, это внутреннее свободное созревание поступка и выбора в человеке: личностью может стать только свободный человек, только «доброволец»¹¹. Собственно, сам этот шаг к ответственному бытию личности и оказывается одновременно освобождающим шагом, шагом к свободе. Но это не свобода вседозволенности: смердяковский девиз «всё позволено» характерен как раз для обезличенного существования тоталитарных властителей, претендующих на звание сверхчеловеков. Личностнообразующим момен-

¹⁰ См. также в «Размышлениях о судьбах Европы и Азии»: «...за последнее время стадное сознание дошло до какого-то всеобщего и повального восторга. С восторгом толпятся около пастуха, с восторгом принимают пищу из его рук и с восторгом подставляют шеи под его нож. Милые овечки, переставшие чувствовать себя человечками! Не в них теперь дело, а дело в пастухах. Овечки своим сознанием предопределили право на существование пастухов, они их как бы вывели из себя, согласились на них, даровали им быть. Теперь дело пастухов решать дальнейшую судьбу мира» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 498-499].

¹¹ Ср.: «...государство мобилизует принудительно, наша же вера ждет добровольцев» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 325].

том в антропологии матери Марии становится понятие добровольной жертвы: именно такой отрыв от себя, от собственного уюта и благополучия, свободное принесение себя в жертву и становится шагом к жизни.

Богословие жертвы, разворачиваемое матерью Марией, в каком-то смысле парадоксально. Кроме предписанного каждому христианину сыновнего пути подражания Христу в несении собственного креста, мы еще призваны к подражанию Богородице: «Человеческое сердце должно быть пройдено еще обоюдоострыми мечами, оружиями, рассекающими душу, чужих крестов. Крест ближнего должен быть для души мечом, должен пронзять ее. Она должна со-участвовать в судьбе ближнего, со-чувствовать, со-страдать» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 104]. Только так можно помочь ближнему родить в своей душе Христа, сквозь накипь греха добраться до образа Божия в человеке и помочь ему просиять в нем; только так Христос может родиться и в нашей собственной душе. Тема усиленной жертвы — не просто полной самоотдачи пути Креста, но и ранящего приятия чужих крестов, непрерывного распинания себя в каждой человеческой встрече, дана в предсмертной и итоговой поэме матери Марии «Духов день» (1942) в парадоксальном образе пронзания сердца Птицы — Святого Духа:

Никто не попытается извлечь
Из сердца Птицы смертоносной стали,
Он Сам пришел Себя на смерть обречь.
Так было предуказано вначале.
Начало мира, — это меч и крест,
Мир на двуликой выращен печали...
[Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 278].

Завершается поэма еще более страшным, апокалиптическим видением — распятия Птицы-Духа. Однако этот образ предельной жертвы, жертвы жертв, связан со свободой (распятая Птица — вестник свободы): свободное, вольное веяние Духа Истины, его утешительность (Утешитель), полнота радости такой свободы открываются только в подобной жертве.

Таким образом, судьба всего человечества, сама возможность подлинного выхода из войны зависит сейчас не просто от наличия добровольцев, но от «степени их жертвенности» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 325], от способности к предельному напряжению, горению, сгоранию, от огненного и крылатого христианства подлинной личности — христианства вдохновенной полноты радости и не менее вдохновенной полноты жертвы: здесь уже не «выбирают между скорбным ликом Христа и радостью жизни» [Там же, с. 150], ибо они соединены в пасхальной радости воскресения как преодоления смерти.

Особенно ярко такой момент рождения живой личности, связанный с готовностью человека на жертву, на несение Креста, и делающий тем самым человека полноценно живым даже среди мертвечины войны, в самой войне, дан в еще не опубликованном тексте матери Марии — в ее «Письмах к солдатам». Текст представляет собой машинопись, на бланке «Православного дела», без даты, за подписью «монахиня Мария», — он, по всей видимости, рассылался в начале войны

русским солдатам, идущим воевать за Францию. Начинается письмо с обращения — от нас, «людей старшего поколения, не призванных активно участвовать в войне», но всем сердцем болеющих за молодежь, идущую на фронт, — к этой молодежи; обращения из своего «опыта предыдущей войны, который многих из нас научил просто и серьезно относиться и к современным событиям». Автор перечисляет все бедствия, которые несет с собой война, отмечая, что главному из них обычно придают мало значения: «Я говорю о явлении, которое можно было бы назвать нравственной контузией, душевной контузией, причиняемой участием в войне». От такой контузии может уберечь доблесть без бравады, «смирненное сознание своего греха и ответственности за чужие такие же молодые жизни». Итак, мы оказываемся в уже обрисованном этическом пейзаже ответственности и самой жизни, в который попадают через жертву. Мать Мария обращается к юным солдатам: «...но хочется пожелать вам сохраниться не только от пуль, не только в вашей физической жизни, а и в жизни духа избежать той нравственной контузии, о которой я говорила. Борясь с врагом, старайтесь их любить, т. е. видеть в них несчастных, обманутых и заблудившихся людей. Гордитесь не своими подвигами, а степенью своей жертвенности. Берегите в себе внутреннего человека, подвергающегося гораздо более страшным испытаниям, чем человек внешний. Сохраните себя, сохраните чистоту вашей молодости, не отнеситесь к войне как к чему-то естественному, не примите ужаса и греха жизни за самую жизнь». Даже особое положение русских эмигрантов во французской армии, тяжелая необходимость воевать не за свою, а за чужую родину, может стать еще одним духовным преимуществом, оборачивающим зло и боль войны через жертву и страдание в духовную победу: «...вы уже самим положением вашим поставлены так, что должны быть совершенно бескорыстны, — сама жизнь вам помогает быть бескорыстными, не искать своего, чувствовать гораздо больше свои обязанности, чем права, чувствовать силу своего служения, готовиться к жертве. И это есть то, на основе чего вам гораздо легче сохранить себя от нравственной контузии, быть подлинными воинами духа, воинами Христовыми. Вам действительно выпал тяжелый крест, и сурово даже то, что помогает нести его, — но Тот, кто посылает Крест, даст нам силы достойно принять его» [Монахиня Мария <б. д.>].

Особенно хочется отметить в этом пламенном обращении матери Марии к идущим на войну и, возможно, на смерть юным солдатам призыв любить врагов, т. е. не уклоняться от ответственности даже за их жизни, «видеть... людей» даже в тех, в кого приходится стрелять. Чешский послевоенный философ Ян Паточка в эссе с характерным названием «Войны XX века и XX век как война» назвал такую хрупкую, через саму вражду перекинутую солидарность «солидарностью потрясенных». И только в ней видел возможность подлинного выхода из все нарастающей «воли к войне», такой, что даже послевоенная «борьба за мир» становится еще одним актом все той же непрекращающейся войны-борьбы. Выйти из войны можно, только перестав гнаться за призраком мира, жизни, дня, только шагнув в самую сердцевину войны и ночи и там, через жертву, обретя абсолютную свободу и способность разглядеть даже в своем враге, в том, кто по ту сторону линии фронта, «сооткрывателя абсолютной свободы» [Паточка 2008, с. 160–161]. Для

матери Марии такая, в огне войны и всех катастроф рождающаяся солидарность и составляет основу Церкви, «мистику человекообщения». Характерной чертой данной экклезиологии становится ее неразрывная связь с антропологией: костяк Церкви составляют именно личности. Подлинно церковные отношения, соединяющие таких творческих и свободных личностей, и будут подлинной соборностью. Именно Церковь как соборный организм является настоящим противовесом тоталитарному коллективу обезличенных людей, составляющему основную социальную единицу последней войны: живое в этой дихотомии противостоит мертвому, жизнь смерти¹². Экклезиологическая задача собирания подлинной Церкви и аккумуляции подлинной жизни как раз входила в замысел создания объединения «Православное дело», члены которого заявляли: «Мы не хотим быть благотворителями — мы строим общую жизнь» [Кузьмина-Караваева 1991, с. 363]. Церковь в такой экклезиологии — это «внехрамовая литургия», соединяющая в единый узел ключевые понятия богословия матери Марии: жертву и свободу. В центре — евхаристическая жертва, приобщенностью к которой каждая личность становится членом Тела Христова; но этот центр — ядро своеобразной воронки, из которой, наподобие фонтана, любовь изливается на всех и на вся, на весь мир, на каждого человека. Церковь понимается как свободно изливающаяся в мир любовь Христова, как дарение жизни, единой и общей для всех. Мать Мария пишет: «...мы верим, что евхаристическое тайнодействие приносит в жертву за грехи мира Агнца Божия, Тело Христово. И мы, приобщенные этому жертвенному Телу, сами станем отданными на жертву — “от всех и за вся”. В этом смысле внехрамовая литургия и есть наше жертвенное служение в храме мира, украшенного живыми иконами Божиими, служение общее, все человеческое жертвоприношение любви, великое действие нашего богочеловеческого единения, единое молитвенное дыхание нашего богочеловеческого духа. В этом литургическом человекообщении мы действительно становимся едино стадо и один Пастырь, единое тело, неотделимая глава которого — Христос» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 148]. Окружность такой воронки все время преодолевает саму себя в своем стремлении к бесконечности. Это не просто открытая церковь, но церковь предельной открытости, стремящаяся покрыть изливаемой любовью всех и вся. «“Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся”». «Они действительно “все”, — продолжает литургическую формулу мать Мария, — т. е. все возможные на нашем пути встречи, все нам Богом посланные люди. Стена храма не отделила какое-то малое стадо от этих всех» [Там же, с. 325]. Здесь стоит отметить, что важнейшей частью богословия жертвы

¹² В статье «Вторая евангельская заповедь» мать Мария пишет: «Мы призваны воплотить в жизнь соборные и богочеловеческие начала, лежащие в основе нашей православной церкви, мы призваны противопоставить тайну подлинного человекообщения всем иным лживым взаимоотношениям между людьми. Только тут единственный путь, на котором может жить Христова любовь, более того, — только тут единственный путь жизни, — вне его смерть. Вне его смерть в огне и пепле различных ненавистей, разъедающих современное человечество, ненависти классовой, национальной, расовой, смерть безбожной и бездарной, прохладной и нетворческой, эпигонской, по существу лаической демократии. Всем видам мистических тоталитарностей мы противопоставляем только одно — личность, образ Божий в человеке. И всем видам пассивно коллективистических настроений в демократии мы противопоставляем соборность» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 229–230].

матери Марии и ее экклезиологии (см. подробнее: [Ликвинцева 2012]) стала сама ее жизнь, до конца отданная «всем», вплоть до последней жертвы: ареста, концлагеря, смерти в газовой камере; вплоть до прославления в лике святых под именем преподобномученицы Марии Парижской.

Но, говоря об экклезиологии матери Марии как части ее богословия жертвы, стоит отметить еще один момент, принципиальный для уже послевоенной социально-философской мысли, направленной на поиск освобождения от «воли к войне». Это ее разделение социальных общностей на живые и мертвые. Апогеем мертвой общности является тоталитарный коллектив, упраздняющий личность. Но возникает он не на пустом месте, ему предшествует другая общность, привычная нам и кажущаяся на первый взгляд безобидной, — государство. Мертвой общности государства мать Мария противопоставляет живую общность — народ. Она выделяет «два полюса сознания, две разные концепции жизни, которые условно можно назвать Израилем и Римом» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 488–489]. Римское сознание центрировано на мертвой общности государства, которому приносятся жертвы; оно долгие века было господствующим и теперь в тоталитарных идеологиях вернулось к своим языческим основаниям, выявило свою суть; трагедией для Церкви был константиновский союз ее с государством, исказивший самую суть Церкви: сейчас гонимая Церковь возвращается к творческой и жертвенной свободе первохристианства. В израильском типе сознания в центре не государство, а народ как живая и творческая личность. Именно таким «народом Божиим», «Новым Израилем» и является Церковь. В финале поэмы «Духов день» мать Мария рисует предельно апокалиптическую картину распятия Птицы-Духа: ее участники — «воскресшие народы»; именно они должны явиться на Суд, именно они участники последнего, самого трагического акта истории, в которой она упраздняет саму себя и выходит за собственные пределы, к эсхатологии. Сам этот выход уже не описан в поэме, к нему лишь подводит апокалиптическая «архангельская труба»: на самом пределе напряжения рассказчик признается: «Не смею больше...» — и обнаруживает себя в привычной комнате, за окном которой узнаваем послегрозовоый пейзаж: «Примята пыль. Прошел недавно дождь» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 280]¹³. Все военное творчество матери Марии, вся работа ее мысли по осмыслению войны и усвоению ее уроков как раз и направлены из эпицентра грозы и бури к этому угадываемому, возможному и желанному послегрозовому пейзажу. Знаки надежды она видит в самом движении от смерти к жизни: пробуждение под гнетом мертвого советского государства живого русского народа, угадываемое ею по партизанскому движению, по тому, как вступила Россия в войну и как ведет ее (см.: [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 516–518]). Знаком надежды становятся христиане, спасающие евреев и готовые ради них идти на смерть. Знаком надежды будет человек, отдающий в лагере другому пайку хлеба. Тогда война окажется не только смертью и гибелью, но и муками рождения: «Мир вступил в полосу катастроф, которые кажутся нам апокалиптическими. Мы не знаем еще, каков их смысл. Означают

¹³ Подробный и глубокий анализ поэмы в связи с эсхатологическими аспектами экклезиологии матери Марии см.: [Шмаина-Великанова 2005]. Анализ поэмы см. также: [Беневиц 2003].

ли они суд Божий над старым миром, разрушение его тысячелетней культуры, или в муках и крови нашего поколения рождается новое общество, новая жизнь? Может быть, и то и другое: и смерть, и рождение» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 148]. Жизнь и мысль матери Марии не просто фиксируют и анализируют моменты и признаки такого рождения, но и участвуют в нем.

Литература

- Аржаковская-Клепинина 1999 — *Аржаковская-Клепинина Е.* Звезда Давида: Мать Мария и судьба еврейского народа // Христианос: Альманах. Рига, 1999. Вып. 8. С. 102-112.
- Беневич 2003 — *Беневич Г.* Мать Мария (1891-1945): Духовная биография и творчество. СПб., 2003. С. 186-200, 276-290.
- Бердяев 1969 — *Бердяев Н.* Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-Press, 1969.
- Булгаков 1945 — *Булгаков С., прот.* О Богочеловечестве: <в 3 т.>. Париж: YMCA-Press, 1945. Т. 3: Невеста Агнца.
- Емельянова 2001 — *Емельянова Т.В.* «Руководитель, друг, отец...»: Мать Мария Скобцова и прот. Сергей Булгаков // Вестник РХД, 2001. № 182 (I). С. 45-63.
- Кузьмина-Караваева 1991 — *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Избранное. М., 1991.
- Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001 — *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* (Мать Мария). Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. СПб., 2001.
- Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004 — *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* (Мать Мария). Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004.
- Ликвинцева 2012 — *Ликвинцева Н.В.* Церковь жертв: свидетельство матери Марии // Вестник РХД, 2012. № 200. С. 111-119.
- Мать Мария (Скобцова) 1992 — *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания. Статьи. Очерки: в 2 т. Paris: YMCA-Press, 1992. Т. 1.
- Монахиня Мария <б. д.> — *Монахиня Мария.* Письма к солдатам. Письмо первое // Архив о. Сергия Гаккеля (Льюис, Великобритания). Авторизованная машинопись. 2 с.
- Мочульский 1946 — *Мочульский К.* Монахиня Мария (Скобцова): Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. Вып. 1.
- Паточка 2008 — *Паточка Я.* Еретические эссе о философии истории / пер. с чеш. П. Прилуцкого. Минск, 2008.
- Шмаина-Великанова 2000 — *Шмаина-Великанова А.И.* О новых мучениках // Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 218-225.
- Шмаина-Великанова 2005 — *Шмаина-Великанова А.И.* Белая птица. Эсхатологические предпосылки экклезиологического учения прмц. Марии (Скобцовой) // Кифа. 2005. Ноябрь. № 11 (37). С. 10-11.